

УЛИЦА ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ

Ковалиха—окраина старого города.

Называлась она Ковалихой потому, что здесь испокон века были жилища и мастерские нижегородских «ковалей»—кузнецов. Помимо кузниц, здесь ютились крапильные, экипажные, шорные, столярные и другие мастерские. На ковалихинском овраге был всегда шум от ударов молотов по железу, от визга и лягга пил и ковшиков, бжанья лошадей, крика и спора работающих. Над оврагом тянулись копоть и дым от кузниц, запах краски, лака и порохов.

По дну ложбины, по направлению к северу Высокому, протекала речка, вернее ручей. Будливая в весеннее время речка Ковалиха летом почти пересыхала. Старая купеческая управа пыталась засыпать эту ложбину. Но озорная речка Ковалиха, весной смывала все сооружения, превращая на долгое время местность в непроходимую и непролазную трясицу. По ночам эта трясица оглащалась иногда отчаянными криками загубившего, а нередко и безвзвонного обывателя, утопавшего в грязной, липучей жиже.

Поздней весной и летом склоны Ковалихинского оврага топили в зелени садов и горохов. Мастерские и обывательские дворы на этом зеленом фоне отмечались какими-то темными пятнами. Зеленый весенний шум кустов и деревьев как бы поглотил крики людей и стук молотков о наковальни, а запах засохшей грязи и порохов, растворившись в густой весенней вежести, почти не ощущался.

В летний вечер, после утомительного рабочего дня, жители ковалихинской окраины собирались группами около своих дворов, в садах и на лужайках. На ступеньках парадного крыльца, обе двери которого широко распахивались на улицу, размещался весь дом—мужчины, женщины, девчонки. Смех, шутки, семечки, орехи, пение ходом под аккомпанимент дешевой гитары.

С вечера от окраинных трактиров Радопова и Лямаева порой неслись песни мастеровых, загубивших в компании с помовыми извозчиками. Нередко песни перемежались криками драки. Из домов выбегали люди выпучать озоих.

Садится солнце за каменным «перехватовским» домом. Засветло ужинают и ложатся спать, не зажигая огня. И только в изгородях глухого сада, в отдельных дворовых построек и флигелей долго еще слышатся тихие голоса запоздавших гуляльчиков.

На этой отдаленной нижегородской окраине, в наворном флигеле, стоявшем в полу-горе обширной застроенной усадьбы пехового старшины нижегородской ремесленной управы Василия Васильевича Каширина 16/28 марта 1868 года родился Алексей Максимович Пешков—будущий писатель Максим Горький.

Отец Горького—Максим Савватеевич Пешков — рабочий-столяр-краснодеревщик и драпировщик.

Мастерская на Ковалихе, где он работал, была рядом с домом дела Каширина. Усадьбы обеих усадеб были смежные, что до известной степени способствовало сближению ковалихинской молодежи—будущих учеников Пешковых.

— «Собираем мы с Варей малину в саду»—рассказывала бабушка писателю в детстве.—«Вдруг отец твой шасть через забор. Эдакий могучный, в белой рубашке, в плисовых штанах и босой, без шапки, с длинными волосами—ремешок. Это он свататься приходил».

Свадьба Пешковых, как известно, состоялась уходом: дед писателя Каширин, в то время богатый человек, не мог справиться с фактом добровольной выдачи невесты за столяра с ремешком на шутящих волосах. И недаром, глядя на красавицу Валвару Васильевну—мать писателя, тарих Каширин хвастался:

— За дворянцем выдам, за барина!

А умная, понимавшая жизнь и людей старуха-бабушка, способствовавшая браку невесты, определяла события яснее и точнее:

— Вот-те и дворянин, вот-те и барин, —говорила она после свадьбы,—пресвятая Богородица лучше нас знает, кого с кем вести.

Усадьба дела писателя—ремесленного старшины Каширина была весьма обширна. Помимо дома № 29, выходящего на Ковалиху, на дворе было еще два дома-флигеля.

Старик Каширин в год рождения писателя был одним из богатых ремесленников города. Три больших дома и оборудованная мастерская давали ему значительный доход.

Дома-флигеля, в котором родился писатель, в данное время не существует: в валпачных годах его сломали на дрова. Самый дом на улицу и рядом с ним поворе флигель не так давно, после пожара, перестроены.

В доме на Ковалихе писатель прожил всего четырех лет. Отсюда с отцом и матерью поехал в Астрахань и прожил там в августе 1873 года.

Похоронив в Астрахани отца, умершего от холеры, а в Саратове брата Максима, оставшегося в Астрахани перед отъездом обратно на родину, пятилетний Алеша Пешков с матерью и бабушкой вернулся в Нижний, где и поселился в доме дела, переехавшего на жительство в домик на Успенском сезде. Домик этот в полуразрушенном виде сохранился и до наших дней.

Ф. П. ХИТРОВСКИЙ.